

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

люди искусства

РОЛЬ НАШЛА ИМЕННО ЕГО

Петр ТАТАУРОВ

Актерская жизнь, как и личная, может состояться, а может и нет. Впрочем, уже одна серьезная творческая удача способна решить этот вопрос положительно. Скажем, не создай Б. Бабочкин ничего, кроме образа легендарного Чапаева, Б. Чирков — озорного Максима, О. Стриженов — романтичного Овода, а П. Глебов — мятежного Григория Мелехова, то и тогда имена этих актеров были бы запечатлены на скрижалях истории советского кино. Почему? В каждой из этих работ дарование исполнителя обрело идеальную для себя форму выражения, и мы не в силах уже отделить актера от созданного им образа. Талант — редкая, но все же закономерная, а вот проявление его бывает и делом случая...

— Готовясь к съемкам «Тихого Дона», — вспоминает кинорежиссер С. Герасимов, — я просмотрел сотни фотографий артистов из многих городов страны, но Григория Мелехова среди них не обнаружил. И вдруг на одной из проб, где несколько актеров, игравших офицеров из окружения Листницкого, примеряясь к тексту, перекидывались в преферанс и рассуждали о событиях февральской революции, я услышал голос, как мне показалось, необыкновенный. В прокурорной сипотце таились глубина и сила. «Кто это?» — спросил я у ассистента. «Глебов, актер Театра Станиславского. Хотим попробовать его на роль второго офицера», — был ответ. Потом включили свет, и мастер опять разочаровался. На лице темноголового человека он не нашел ни одной из описанных Шолоховым черт Григория — горбатости носа, своеобразной «турковатости»... Пожалуй, лишь глаза привлекали внимание. Да, глаза действительно были хороши. И не веря еще в свою затею, попросил загримировать Глебова в главного героя. «Да полноте вам, Сергей Аполлинович, какой же это Мелехов, — урезонивал его второй режиссер. — Это вы от отчаяния».

Сомнения и в самом деле одолевали, но лишь до следующего дня, пока в коридоре студии С. Герасимов не столкнулся с Григорием Мелеховым, будто сошедшим с иллюстраций Верейского. Сначала, как признается сам режиссер, потрясла блестящая работа художника-гримера А. Смирнова. Затем, не откладывая, захотелось услышать П. Глебова в роли — он тут же отвел его в свой кабинет, где попросил прочесть любой отрывок из романа. И когда тот, раскрыв книгу, начал, голос его без всякой натуры, очень естественно и просто слился с шолоховским текстом, все более рассеивая сомнения в правильности режиссерского решения. Уже позднее, как бы в подтверждение этому, увидевший отснятые кадры М. А. Шолохов изумленно воскликнул: «Так это же он!»

Но главные достоинства Мелехова, сыгранного Глебовым, не во внешней узнаваемости, портретной схожести, а в той высокой правде образа, смоделированной которую, как и вдохновение, практически невозможно. Пытаясь эту правду образа прежде всего личность актера. От знания что играть, через глубокое вхождение актера в образ, когда совмещаются личности персонажа и актера, их нравственные полюсы, приходит понимание и как играть. Однако хороший актер не столько играет своего героя, сколько живет им. Помните, как бросает обреченному Подтелкову Мелехов слова отчаяния и протеста: «Под Глубокой бой помнишь?

Помнишь, как офицеров стрелял... А теперь отыгрывается! Не одному тебе чужие шкуры дубить! Ты, поганка, казаков продал! Ишо сказать?» Верим мы и другой грани характера героя, проявившейся совсем неожиданно в сложной психологической сцене, когда он, глядя в западающие глаза раненого красноармейца, стонет: «Братцы!.. Кого рубил?! Кого-о? Нету мне спасения, братцы! Предайте земле...» И остается лишь догадываться о переживаниях актера в заключительной сцене прощания с Аксиньей, когда, как мы помним из романа, Григорий увидел над собой черное небо и черное солнце — воздаяние за содеянное, искупление за жизнь будущую. Эта полная высокого трагизма сцена, думаю, одна из лучших не только в советском кинематографе. Конечно, в ее основе величайшая литература, но при переводе на киноязык потери неизбежны. И они минимальны, если за дело берутся талантливые «переводчики».

Да, поверить киноверсии известного романа и принять пришедшего к нам с экрана Мелехова мы смогли лишь тогда, когда увидели, что актер не только «драму судьбы», но и каждое слово пропускает через сердце, каждый жест делает своим. Собственно, в этом смысл одного из заветов его учителя К. С. Станиславского. А чтобы принять мелеховское как свое, чтобы любой дончанин мог сказать тебе: «Нет, не городской ты, Петро, нашеньких кровей, казачьих», нужны и какие-то биографические точки соприкосновения с героем. И они есть.

Одна из заметок о П. Глебове, помнится, называлась — «Мелехов из Подмошья». Именно там, в деревне Дарьино, провел он детство и отрочество. Прекрасная вольность сельской жизни с рыбалкой и охотой, ранним рослым утром и трудовым знойным полднем, сенокосом и ночным... Очень любил лошадей.

— Дядя Семен, можно свети лошадей в ночное?

— Можно. Только шибко-то не гони...

Какое там шибко. Лишь почувствовав себя всадником, босыми ногами понуждая коня, вихрем летел Петя в гору, на опушку леса, где уже поджидали друзья.

Когда спрашивают, как ему удается так убедительно играть мужиков, Петр Петрович улыбается и пробует объяснить. А про себя недоумевает, разве выразить словами, что деревья все еще живут в нем. Тонкое понимание природы, любовь к земле, уважение к крестьянскому труду, знание быта и говора — все это из того же деревенского детства. Актеру не нужно было учиться верховой езде, после чего заметна жокейская осанка, держать в руках кося, ходить за плугом. Это часть его жизни. И из нее-то и вырастает та желанная для каждого настоящего художника правда образа, являющаяся достоинством высокого искусства.

В подмосковном же Дарьино произошла еще одна знаменательная для П. Глебова случайность — встреча с одышавшим на даче К. С. Станиславским. Встречи с ним не остались бесследными в судьбе, хотя осознание своего пути произошло не сразу. Понятно, что этот высокий седой старик в пенсне, постоянно вмешивающийся в представления, разыгрываемые деревенскими ребятишками на опушке леса, воспринимался ими не великим реформатором сцены, а обыкновенным дачником.

— Репетировали мы сказ-

ку К. Гоцци «Принцесса Турандот», — рассказывает П. Глебов. — Брат Федор изображал короля и по-королевски, как ему казалось, сидел на троне. Прогуливавшийся неподалеку Константин Сергеевич вдруг подошел к нему и начал объяснять, как подобает сидеть королю. Представь себе, говорил он брату, что ты должен увидеть не только все Дарьино, но и Жаворонки, и даже Москву за лесом. Федя вытягивался как мог, очень ему хотелось и на короля походить, и на столицу поглядеть. Но вот самодельный трон качнулся, и он полетел прямо в овраг. И смех, и слезы. Я в том спектакле играл Панталоне. Мне вообще почему-то все время доставались роли комические...

Знающие Петра Петровича этому несколько не удивятся — он и сегодня склонен к шутке, юмору. Добродушие, а порой и лукавство написаны на его лице...

Да, те встречи не остались бесследными. Кстати, сам К. С. Станиславский, общаясь с великими людьми своего времени, говорил, что «сама близость к ним, невидимый обмен душевных токов, их иногда даже бессознательное отношение к тому или другому явлению, отдельные восклицания или брошенное слово, красноречивая пауза оставляют след в наших душах». Примерно то же, видимо, произошло и с Петей Глебовым. Правда, после переезда семьи в Москву, еще не испытывая особого разлада с собственным сердцем, он сначала закончил мелиоративный техникум, а затем работал на реке Богучарке близ Воронежа. И лишь где-то через год он держит экзамены в студию К. С. Станиславского. До сих пор в подробностях помнит, как читал басню Крылова «Два мужика», никитинское стихотворение «Ямщик». Как дошло дело до диалога Чичикова с Собакевичем, выученного по пластинке с усердным подражанием Топоркову и Тарханову. И, конечно же, не забыть, как присутствующая на испытаниях М. П. Лилина странно хохотала: «Какой громкий голос. Такого Чичикова у нас во МХАТе и нет».

— В студии нас пестовали лучшие мастера прославленного театра — М. Кедров, Л. Леонидов, В. Орлов, М. Яшин, О. Андровская, М. Лилина, — говорит П. Глебов. — Но особенно память П. Глебову. Он учил нас искусству переживания, говорил, что нужно не играть, а жить на сцене. Он привил нам веру в свой метод, в свою систему. И если я чего-то добился в своей артистической жизни, то благодаря тому, что всегда помнил завет учителя.

Начало самостоятельной актерской карьеры совпало с началом Великой Отечественной войны. В подшефном 193-м зенитно-артиллерийском полку доброволец П. Глебов принял свой первый и самый тяжелый бой на подступах к столице у станции Очаково. Приходилось отражать налеты авиации, занимать противотанковую оборону...

Театралы послевоенной поры помнят его по Драматическому театру имени К. С. Станиславского в разнохарактерных и разноплановых ролях — от жгучих любовников с гитарами в музыкальных комедиях до колхозной бригадира. Это был крепкий актер хорошей школы, который всегда мог выручить театр. Но все же особенно ярко дарование П. Глебова выявил кинематограф, где он сыграл десятки ролей. После Григория Мелехова — главной своей роли, как считает сам П. Глебов, — он создал немало интересных экранных образов — Половцева в «Поднятой целине», майора Лунина в «Балтийском небе», Сальери в ленте «Моцарт и Сальери», Сторожева в фильме «Одиночество», атамана Федулова в «Емельяне Пугачеве»... А совсем недавно на экраны вышла новая мостфильмовская картина — «Мужики...» (режиссер И. Бабич), где он сыграл отца главного героя — Павла. Роль эта — серьезная удача актера за последние годы. С философских позиций его герой — своеобразный нравственный камертон фильма. Стоит ли говорить, как здесь важны и точность игры, и психологическая мотивировка каждого жеста, поступка, душевного порыва. Малейший пережим, неверность, и мелодрама превратится в свою противоположность — фарс.

Новая работа Петра Глебова в кино интересна еще и тем, что в ней он соединил весь свой актерский и жизненный опыт. Видимо, тут причина удачи созданного им образа простого крестьянина — хранителя высоких нравственных начал, чистоты традиций. Впрочем, подлинные удачи к П. Глебову всегда приходили именно тогда, когда он, раскрывая истинные черты простого русского человека с его состраданием к боли другого, невольно поднимался до символического обобщения национального характера. К этому, делается, предрасполагает и родословное древо, и своеобразие таланта, и творческий метод актера, позволяющие ему видеть всю красоту и многообразие окружающего мира.

● Народный артист СССР П. Глебов.
Фото В. Мастокова [ТАСС].